

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

дневники
путешествий

*невозвратные
дали*

Анастасия
Цветаева

Издание подготовлено
Станиславом Айдиняном

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц 27

Дизайн серии Ивана Ковригина

Составление, предисловие Станислава Айдиняна

Комментарии к очерку «История одного путешествия»
Глеба Васильева, Галины Никитиной и Дмитрия Лосева,
к остальным текстам книги – Ст. Айдиняна

Фото автора на переплете работы Л. Попова

В оформлении книги использованы фотографии из архивов
Ст. Айдиняна, А. Гусева, Л. Мнухина, А. Ханакова и РИА Новости

Издание подготовлено при участии О.А. Трухачевой

Цветаева, Анастасия Ивановна

Ц 27 Невозвратные дали : дневники путешествий / Анастасия
Цветаева; сост., предисл., коммент. Ст. Айдиняна; коммент.
Г. Васильева, Д. Лосева, Г. Никитиной. – Москва: Издательство
АСТ, 2018. – 288 с.; ил. – (Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-098202-8

Среди многогранного литературного наследия Анастасии Ивановны Цветаевой (1894–1993) из ее автобиографической прозы выделяются дневниковые очерки путешествий по Крыму, Эстонии, Голландии... Она писала их в последние годы жизни.

В этих очерках Цветаева обращает пристальное внимание на встреченных ею людей, окружающую обстановку, интерьер или пейзаж. В ее памяти возникают стихи сестры Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, вспоминаются лица, события и даты глубокого прошлого, уводящие в раннее детство, юность, молодость. Она обладала удивительным даром все происходящее с ней, любые впечатления «фотографировать» пером, оттого повествование ее яркое, самобытное, живое.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098202-8

- © А.И. Цветаева (наследники), 2018
- © Ст.А. Айдинян, составление, предисловие, комментарии, 2018
- © Г.К. Васильев, комментарии, 2018
- © Д.А. Лосев, комментарии, 2018
- © Г.Я. Никитина, комментарии, 2018
- © РИА Новости
- © ООО «Издательство АСТ», 2018

Путешествия младшей Цветаевой, Цветаевой последней...

Анастасия Ивановна Цветаева в русской литературе – настоящий классик мемуарного жанра. Жанр этот в Европе и у нас в России очень обширен. Сколько мемуаров оставили после себя люди, жившие в XIX и XX столетиях, сколько легло на страницы прозы прожитых жизней...

«Воспоминания» Анастасии Ивановны, появившиеся первоначально небольшим фрагментом в журнале «Новый мир», сразу же обратили на себя внимание необычайным литературным, несколько импрессионистическим стилем, где чувства, картины, лица, события настолько пропущены через свое восприятие, настолько оживают под пером, что кажется, они написаны «пылью растертых слов...»¹ В предисловии к двухтомнику своих «Воспоминаний» А. Цветаева писала: «Мои воспоминания – это семейная хроника. В моей памяти равное место занимают все мои близкие – отец, мать, моя сестра Марина и все, кто пришли позднее...»

Почти все наследие писательницы имеет автобиографический характер – и ее известный роман «Амог», служащий фактически продолжением воспоминаний, и ее многочисленные очерки, посвященные встречам и общению с друзьями-писателями, и ее повести, и книга о *яснослышащем* звонаре – все это взято ею из собственной жизни. Исключение составляют отдельно изданные три сказки – то, что осталось от арестованного и пропавшего в недрах НКВД целого рукописного тома сказок. Но даже и там «Сказка

¹ Так сказала Анастасия Цветаева про поэму «Молодец» своей сестры, Марины Цветаевой, которую та перевела на французский язык.

о девочках-великанах» все равно имеет биографические черты. И стихи Анастасии Ивановны в подавляющем большинстве своем столь же биографичны, как и ее разнообразная проза, начатая ею некогда детским, потом юношеским дневником, из которого в 1915 и 1916 годах родились ее первые книги: «Королевские размышления» и «Дым, дым и дым». Этот автобиографизм А. Цветаевой говорит прежде всего о ее честности перед собой, перед миром и перед Богом, без веры в которого немислима ее жизнь, полная трагедий и испытаний.

Особой колеей творчества А.И. Цветаевой видятся ее путешествия – тексты, конечно, также автобиографические. Путешествием поневоле можно посчитать и ее повесть «Моя Сибирь», где описаны годы в сибирской сталинской ссылке после окончания срока в тюрьмах и лагерях. И здесь она пишет о близких ей людях, о сыне, о двух внучках – Рите и Оле, о ссыльных односельчанах, товарищах по несчастью. Сильнейшая часть повести – рассказы о животных: о кошках, собаках, о братьях наших меньших. Когда эти рассказы появились отдельно в «Юности», в те годы популярнейшем в стране литературном журнале, пришли отклики от читателей, и их было так много, как ни на одну ее публикацию.

«Историю одного путешествия» Анастасия Ивановна очень не хотела публиковать при жизни, больно уж тонкой, болезненной для нее темы касался этот текст. В 1971 году она поехала в Крым и там, в доме Максимилиана Волошина, у его вдовы Марии Степановны, познакомилась с молодым поэтом Валерием Исаянцем, приехавшим в Коктебель из Воронежа. Она увлеклась, при всей ее взыскательности, некоторыми его стихами и самим поэтическим обликом Валерия. Однако по мере более близкого знакомства начались у них «расхождения». За ее плечами были – традиции старого воспитания, дореволюционная культура, предполагавшая в друге душевную чуткость. А юный друг ее был довольно эгоистичен, часто исходил из своих собственных интересов – то его тянуло к дружбе с яркой, сильной личностью, «с сестрой Марины Цветаевой», то его отбрасывала от нее ее же требовательность!.. Тем более что Анастасия Ивановна воспринимала Валерия, при всей увлеченности, *по-матерински* и была порой очень требовательна в своей опеке. Не каждый молодой человек выдержит подобное. Знающим творчество А.И. Цветаевой эта ситуация сразу напомнит тональность взаимоотношений героев

романа «Амог» – и там героиня Ника, так обозначила себя в автобиографическом романе Анастасия Ивановна, пытается вовлечь в сферу своей материнской опеки главного героя, Морица. У него был реальный прототип, встреченный ею в лагере, – Арсений Этчин, у него она работала в сметно-проектном бюро. Пыталась его «приручить», изменить к лучшему, заставить подумать о собственном здоровье, меньше курить. Это и есть самая трагичная и очень распространенная ошибка женщин – стремящихся завоевать человека, а потом его *изменить*. Однако в этом случае очень часто насильственно изменяемый отказывается меняться.

Правда, при создании романа «Амог» Анастасия Ивановна намеренно, для усиления психологического эффекта, «нагнетала» свое любовное чувство, обращенное к Морицу: «Я специально накачивала это чувство в романе, чтобы создать полюса взаимоотношения психологий – мужской и женской», – говорила она.

А в «Истории одного путешествия» дело доходило у героини даже до нервных срывов, до плача. Вот почему Анастасия Ивановна не хотела при жизни делиться с читателями этим текстом. Он ведь местами исповедален очень горькой искренностью. Это действительно было сильное увлечение. Но своим «последним земным очарованием в 78 лет», своей последней земной любовью она назовет потом поэта и переводчика Алексея Шадрина, также встреченного в Доме поэта в Коктебеле. О нем она кратко рассказала в очерке «Зимний старческий Коктебель».

Не скроем, что герой очерковой повести «История одного путешествия» был на момент встречи с Анастасией Ивановной душевно болен; потом в его судьбе будут и психиатрические больницы, и скитания без определенного места жительства – настоящий синдром бродяжничества. Но это в полной мере проявится позже. Тогда же были только первые «всполохи», впоследствии настолько пугавшие Анастасию Ивановну, что она опасалась оставаться с Валерием наедине. А в начале 1990-х, когда состояние нищего, бездомного поэта намного усугубилось, посылал он ей довольно бессмысленные телеграммы угрожающего содержания с требованием денег. В 1980-х годах он уже очень редко навещал Анастасию Ивановну, приезжая в Москву, но вел себя мирно, «чудил», конечно, но не чрезмерно.

По последним доходившим сведениям мы знаем, что В. Исаянц появлялся в Воронеже, там клуб местных поэтов принял в его судьбе участие, добрые люди помогли выпустить в известном издательстве «Водолей» книгу Валерия под названием «Пейзажи инобытия». Известно также, что поэт продолжает скитаться по электричкам и лесам под Воронежем.

О том крымском путешествии сохранился и небольшой фрагмент очерка самого Валерия Исаянца, который называется «Незабываемый день»¹. Из этого текста узнаём, что в Феодосию на поиски дома, где жила Анастасия Ивановна в 1921 году, они с В. Исаянцем отправились 12 октября. Рассказывая о писательнице, Валерий пишет: «Меня поразила в Анастасии Ивановне ее тишина, в глубине которой, как в глубине глаз, звезд, предметов, в глубине ее неповторимой речи складывалось что-то доброе, яркое, не соотнесенное ни с чем в окружении. И ее чуткость на каждую подлинную интонацию, ее безграничная доверчивость этой интонации стиха или слова... Она спрашивала у меня стихи, она, сама стиховая, творческая природа, и ранее, чем я успевал переписывать бесконечные “Пролетки” или “Игру берез”, переписывала мне своим неповторимым почерком забытые стихи Марины и свои...»²

«Зимний старческий Коктебель» – это иное краткое путешествие, оно посвящено поездке в Крым в 1988 году. Прошли годы со времени того крымского путешествия 1971 года. Спутником Анастасии Ивановны теперь был врач, Юрий Ильич Гурфинкель. Познакомился он с Анастасией Ивановной в 1977 году, когда в мае она попала в больницу. Оценив Юрия Ильича и как опытного врача, и как писателя-прозаика, она подружилась с ним, и он стал ее постоянным советчиком и другом, навещавшим писательницу почти до последних дней ее долгой жизни. Он тоже оставил литературные воспоминания о совместных с Анастасией Ивановной путешествиях. Они называются «Анастасия»³ и делятся на два очерка – «Коктебель» и «Голландия».

¹ См. в книге: Последний луч Серебряного века. Воспоминания об Анастасии Цветаевой. М., 2010. С. 374–377.

² Там же. С. 376.

³ Очерк публиковался в журнале «Дружба народов» (1998, № 9), а потом и в сборнике «Последний луч Серебряного века».

В первом из очерков Юрия Ильича есть такое наблюдение: «А вскоре “Юность” напечатала рассказ Анастасии Ивановны “Зимний старческий Коктебель” – путевой очерк об этой поездке... На многих произвела впечатление ее смелость – в таком возрасте отправиться в столь неблизкие края. Но еще больше читавших восхитила свежесть восприятия, внутренняя свобода, с которой эта вещь была написана. Теперь имя Анастасии Ивановны уже не замалчивалось. “Литературная газета”, например, посвятила целый подвал разбору художественных достоинств рассказа. У меня же он вызвал чувство, какое бывает, когда стоишь за спиной художника, преобразующего увиденное в пейзаж на полотне. Точность рисунка, мазок за мазком... Небо и пространство, люди и деревья волшебным образом оживлены, и кажется, это всегда будет существовать, хотя уже темнеет, многие разошлись по домам и совсем по-другому легли тени деревьев»¹.

«В зимнем старческом Коктебеле» мы наблюдаем всё ту же материнскую заботу «лирической героини», от лица которой ведется повествование, обращенное к ее спутнику. Но она, эта забота, куда менее настойчива и отмечена, может быть, большим уважением. Не любовным, а дружеским чувством... Тот же мотив, но намного слабее, выражен в очерке, посвященном путешествию с Юрием Ильичом в Голландию.

Оба очерка (это именно очерки, не рассказы) писались «синхронно событиям»; наверное, оттого особенно слышен тон исповедальной откровенности, свойственный Анастасии Ивановне со времен еще ее первых, основанных на дневниках книг. Писательница обращает пристальное душевное внимание на встреченных и в горести и в радости людей, на окружающий их интерьер или пейзаж. И тут же из ее памяти возникают стихи сестры Марины, Мандельштама, вспоминаются лица, события, даты глубочайшего прошлого – реминисценции к раннему детству, юности. Анастасия Ивановна – при полной свободе своего пера – вспоминает, по ходу действия, множество имен. Для нее в жизни многое – важно!.. На память приходит эпизод из ее «Воспоминаний»: старшая сестра Марина говорит о том, что нужно пригласить фотографа, чтобы он снял покончившего с собой студента Бориса Бобылева. При этом она произносит пронзительные слова: надо его запомнить,

1 См. «Последний луч...». С. 498.

«не упустить – туда». Так и Анастасия Ивановна свою жизнь, свои встречи «фотографировала» тонким пером, и жизнь оставалась в сетях ее строк – живой. Совершенно по-другому, хотя и так же *дневниково*, написан очерк Анастасии Ивановны «Моя Эстония». Более двадцати лет Анастасия Ивановна, избегая жары летней Москвы, ездила в Эстонию, в Кясму. Там снимала скромное жилье – комнату с террасой, ходила на прогулки через лес к морю, к берегу Финского залива. В этих поездках для нее особенно важно было посещение женского монастыря в Пюхтице, в котором она неизменно окуналась в холодный святой источник. Однажды Анастасия Ивановна приехала в монастырь не летом, а зимой – на Рождество. Свое посещение позднее она описала в маленьком очерке, названном «Монастырский источник». В нем писательница приводит один характерный эпизод, изложенный ею несколько иначе, чем в «Моей Эстонии». Когда писались эти строки, Анастасии Ивановне было около ста лет...

«...После обеда я подошла к Игуменье, прося ее благословения.

– Матушка, разрешите ли вы мне зимой окунуться? Мне идет восьмидесятый год.

– С верой? Конечно! – ответила Игуменья. – Наши женщины каждый день купаются. Смотрите: седеет вас, – а такие розовые...

Я обрадовалась и пошла в купальню с обеими спутницами – хотя они окунуться не собирались. Стоя над черной водой, уже раздетая, я себя спросила:

– Ведь ты простужена? И зимой окунаешься – впервые... и матушке об этом не сказала...

И ответила себе:

– Но ты веришь, что вода эта – не простая?

И ответила: «Верю...»

– Тогда в чем же дело? – Лезь...

Я стала спускаться по лесенке. Нет, не холоднее была вода, чем летом!

Думаю, что показалась даже теплее из-за контраста, летом в жару большего. Но что весело мне, когда я вылезла из воды, три раза во имя Отца и Сына и Святого Духа окунувшись, – это то, что не было и следа от простуды: точно вынули из меня занозу – и все»¹.

¹ Цветаева А. О чудесах и чудесном. М., 1991. С. 36.

Жизнь для Анастасии Ивановны всегда была открыта небольшим чудесам. Важно верить, и чудо придет к тебе, неслышно подступит к изголовью. Эту веру всю жизнь несла в себе Цветаева младшая, Цветаева последняя...

Сохранилась подписанная Анастасией Ивановной машинописная копия ее письма – «В редколлегию журнала “Юность”». Приведем полностью его текст: «Я давний автор вашего журнала – в “Юности” выходили мои “Невероятные были” и мой “Зимний старческий Коктебель”. Мне 99 лет, и потому очевидна моя просьба: быстрее продвинуть в печать – в ближайшие номера – мой очерк, посвященный моему прошлогоднему путешествию в Голландию. Храни вас Бог! Анастасия Цветаева 30. VI 93 г. Переделкино».

Несмотря на высоко стоявшее имя Анастасии Ивановны, на то, что ее нередко показывали по телевидению, несмотря на огромную популярность в последние советские годы как поэтического, так и прозаического наследия ее сестры Марины Цветаевой, ей годами приходилось ждать выпуска своих художественных произведений – больших и малых. В итоге очерк «Моя Голландия» был опубликован в сокращении в журнале «Юность» – посмертно, в 1993 году в № 9. В настоящем издании текст приводится в авторской редакции. Очерк «Моя Эстония» появился при жизни писательницы в таллинском журнале «Радуга» в 1991 году в №№ 1, 2, 3.

В 1920–30-е годы ее не печатали, очень редко могли выходить только ее переводы. А в новое время настали иные проблемы, среди которых – большие очереди на публикацию, да к тому же у каждого журнала был, как сегодня, свой постоянный круг авторов. Когда близился к выходу ее роман «Амог», редакция журнала «Москва» тоже длила и перекладывала сроки выпуска романа, написанного в сталинском лагере на папиросной бумаге и переданного через вольнонаемных работников на волю. Сохранилось трагичное, горестное письмо А.И. Цветаевой главному редактору журнала – эпистолярный документ неподражаемого человеческого накала. Он никогда не публиковался, и мы можем сегодня привести его целиком. Он по тональности напоминает письмо Анастасии Ивановны в «Юность» о выпуске «Моей Голландии». Читатель впервые получает возможность их сравнить:

М.Н. Алексееву
5.X.1989

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

Благодарю Вас за поздравление Ваше, моего главредактора, с моим 95-летием, за добрые, звучащие искренно Ваши слова. Я, ведь, не в 1-й, а в 3-й раз отдаю через Ваши руки – плод моих рук в печать. Но в 1-й раз, в 1977 году мне было 83 года, во 2-й раз, в 1981 г. – 87 лет. Ныне мне пошел 96-ой – вряд ли есть в «Москве» – автор меня старше.

Не задумывались ли Вы, все отсрочивая и откладывая начало моего «Амог», Вами похваленного, над моим небессмертием?

Не будет ли Вам человечески жаль, если не сойдутся даты конца романа и моего исчезновения с Земли?

Это письмо обращено не к деловой части Вашей деятельности, в которой Вам – виднее чем всем, кого раньше, кого – позже печатать. Я обращаюсь к сердцу Вашему, к образу и подобию Божьему, без сомнения греющему Вас каждый день: 50 лет ждал роман своего часа; был переработан для возможности прозвучать, наконец, – и неужели попал не в те руки, в более холодные, чем роману хотелось бы?

Напоминаю: и в 1-ю и во 2-ю нашу встречу Вам не пришлось пожалеть, что печатали данного автора. Чем я заслужила небрежение Вашего пера, меня поздравившего и похвалившего, но – без даты хотя бы начала публикации романа? Знай вы ее, Вы бы мне ее сообщили! Вы даты – не знаете? Но, однако, не к одному сердцу Вашему – обращаюсь. По-деловому имею Вам сообщить, Михаил Николаевич, что издательство «Современник» затребовало от меня копию моего романа, так как все сроки, Вами им обещанные для выпуска у них «Амог'а» – книгой, прошли, и, вчера это от них узнав, долгом считаю Вам сообщить это: не откладывайте более начало романа, прошу Вас – по-деловому. Есть пословица, что «Москва слезам не верит», и м.б., мое обращение к Вашему сердцу, с сообщением, что стала очень болеть в последний месяц, что все ближе подходит смерть – не прозвучит Вам?

Складываю оружие.
Жму Ваши холодные руки – последним теплом моих.

Да хранит Вас Бог!
АНАСТАСИЯ ЦВЕТАЕВА на 96-м году.

На это письмо М.Н. Алексеев, главный редактор «Москвы», ответил телеграммой. И роман увидел свет в 1990 году в №№ 2, 3, 4, 5. В 1991-м роман был опубликован и отдельной книгой в издательстве «Современник». Основным и более редакторски обработанным остался именно тот текст, который был выпущен «Москвой». Синяя книга «Современника» с ярким красным названием, куда вошла также повесть «Моя Сибирь», была очень быстро раскуплена, несмотря на большой тираж в 100 000 экземпляров...

В приложении к основному тексту настоящего издания к публикации подготовлено еще три текста Анастасии Цветаевой. Малый, цельный текст «Таруса» ранее публиковался в газете «Культура» 11 сентября 1993 года, вскоре после смерти Анастасии Ивановны, последовавшей 5 сентября. В нем миниатюрно, сжато, пунктирно автор дает представление о том, что было пережито в любимом городке на Оке в детстве и отрочестве. Очень кратко пишет она и о детских дружбах, и о смерти матери, Марии Александровны. Эти летние посещения-путешествия в Тарусе дали сестрам Цветаевым знание о русском народе, о его быте, укладе – все это наиболее полно и емко отражено в «Воспоминаниях» Анастасии Ивановны, в очерке «Хлыстовки» Марины Цветаевой, который в советские времена печатали под неавторским названием «Кирилловны», в нем – дух старины тарусской...

Следующее путешествие – во глубь родной отцу сестер М. и А. Цветаевых Владимирской губернии, описано в одном из самых поздних, 1992 года, текстов А.И. Цветаевой. Это совсем малый, миниатюрный очерк «Александров». Именно оттуда, из Александровской слободы, некогда правил Русью Иван Грозный. В очерке – лишь основные факты пребывания в Александрове, то, что в конце жизни Анастасии Ивановны казалось наиболее важным. Недаром она заканчивает свою прозаико-биографическую миниатюру фразой – «Рада узнать, что снова действует там монастырь».

И третье произведение – малоизвестный очерк, посвященный Армении. Очерк написан во время одного из ее пребываний в подмосковном Переделкине, в Доме творчества. Она вспоминает о том, что связано в ее судьбе с Арменией... Вспоминает и Валерия Исаянца. Тут сделана успешная попытка в малом очерке

Станислав Айдинян

дать обзор своего ощущения людей, восходящих происхождением к Армении. Получилось это тепло, по-цветаевски проникновенно, искренне и сочувственно. В конце текста речь идет о землетрясении 7 декабря 1988 года. Ее обращение «К Армении» было тогда спешно передано по телефону и опубликовано в ереванской центральной газете «Коммунист».

С тех пор прошло время, мы уже перешли в новое столетие, но то, что написано А.И. Цветаевой, не потеряло значения и сегодня, когда продолжают многомерные переключки городов, местностей, стран, литератур и культур...

*Станислав Айдинян,
литературный секретарь и редактор А. Цветаевой (1984–1993)*

*история одного
путешествия*